

К двадцать девятому августа каждый из экзаменаторов закончил проверку работ. Все свитки прошли три круга тщательного отбора, на каждом красовались замечания и отзывы судей. В последний день трое помощников главного экзаменатора отобрали по три лучшие работы, а Ученый Ян выбрал еще одну. Собравшись вместе, они принялись решать, кто займет первые три места на провинциальном экзамене в Шэнцзине в этом году.

— Этот Лю Цзэ из Шаньси — мой земляк, — заговорил один из помощников. — Я и прежде слышал о его славе. В Шаньси он прослыл вундеркиндом: едва ему исполнилось шестнадцать, он сдавал начальный экзамен и сразу же взял первое место на всех трех этапах. Через два года он должен был сдавать провинциальный экзамен, но тут скоропостижно скончалась его мать. Ему пришлось соблюдать трехлетний траур, во время которого сдавать экзамены запрещено. Спустя три года он вновь собрался попытать счастья, но внезапно ушел из жизни его отец — и снова три года траура. Так, из-за этих несчастий, он потерял целых восемь лет. Лишь теперь, в возрасте двадцати пяти лет, он смог прибыть в Шэнцзин, чтобы сдать провинциальный экзамен.

Другой помощник, взглядываясь в работу Лю Цзэ, кивнул:

— Слог его великолепен, почерк тверд и уверен, а ход мысли поразительно точен. Превосходно!

Остальные тоже изучили свиток. Даже у Ученого Яна блеснули глаза:

— Превосходно! В это сочинение на тему «В пятнадцать лет я устремил свои помыслы к учению» вложено сердце, каждое слово омыто кровью. Должно быть, он писал, основываясь на собственном жизненном опыте, раз сумел создать столь великий труд. Звание Цзеюаня на этом экзамене принадлежит ему по праву!

Еще один помощник заметил:

— А вот этот Яо Шань — уроженец столицы, ему уже сорок три года. Возраст почтенный, однако и талант его незауряден. Двадцать четыре года назад он также взял первое место на всех трех этапах начального экзамена в Шэнцзине. Но случилось несчастье: его старший брат погиб от рук киданей, и тогда Яо Шань оставил кисть, ушел в армию и отправился в Ючжоу простым солдатом. Лишь в прошлом году он вернулся со службы. Его сочинение «Я также желаю исправить сердца людей» написано с размахом, в нем чувствуется богатый жизненный опыт, глубина и основательность.

Прочитав работу, Ученый Ян понимающе кивнул и одобрил:

— Превосходно!

Когда экзаменаторы закончили читать свитки первого тура десяти лучших кандидатов, Ученый Ян единолично определил Лю Цзэ на первое место, сделав его Цзеюанем. Однако насчет распределения мест среди остальных девяти человек мнения четырех судей разошлись, и они никак не могли прийти к согласию.

Кто-то предложил:

— Давайте взглянем на их работы по «Пятикнижию» во втором туре.

Работы второго тура в любом случае подлежали оценке, так что судьи принялись за чтение.

В главном зале воцарилась тишина, как вдруг Ученый Ян трижды воскликнул:

— Хорошо! Хорошо! Очень хорошо!

Остальные трое помощников тут же подошли к нему:

— Господин Ян, неужели вы нашли выдающееся сочинение?

Ян Ци сразу же показал им свиток:

— Господа, вы уже видели эту работу?

Один из помощников взглянул на имя:

— Тан Шэнь, второе имя Цзинцзэ? Я помню его работу. Среди тех девяти кандидатов его сочинения и стихи не то чтобы поражали воображение, но каждая часть написана добротнo и основательно — крепкий средний уровень ближе к высшему. К тому же почерк у него изящный, в нем чувствуется рука его наставника, господина Фу Вэя.

— Так это ученик господина Фу!

— Каллиграфия господина Ван Цюаня известна по всей Поднебесной, неудивительно, что и у его младшего соученика почерк столь же сильный и изящный.

Пока Фу Вэй и Ван Чжэнь даже не подозревали об этом, в их адрес пролился очередной поток лести.

Ученый Ян произнес:

— Пять его ответов по «Чжоу и» на первый взгляд кажутся написанными строго по правилам. Однако посмотрите внимательнее: раскрывая тему в каждом отдельном сочинении, он связывает его с четырьмя остальными. Он разделил целое на пять частей, соединив их воедино, и создал одно грандиозное эссе!

Судьи принялись скрупулезно вчитываться в текст.

— Превосходно!

Чем больше Ян Ци читал работу Тан Шэня, тем сильнее она ему нравилась.

Среди десяти отобранных ими кандидатов только Тан Шэнь и еще один человек выбрали тему по «Чжоу и». У второго слог был пышным и витиеватым, но само содержание посредственным. Ян Ци же являлся типичным представителем ученых Академии Ханьлинь — бедным, но чрезвычайно гордым и благородным мужем. Из пяти предложенных им тем Тан Шэнь сразу понял, что Ян Ци высокомерен, держится особняком и предъявляет к себе высочайшие требования.

По сравнению со вторым кандидатом, чье сочинение пестрело красивыми фразами, Ян Ци куда больше полюбили эти пять работ Тан Шэня — он буквально не мог выпустить их из рук.

«Тот, кто побеждает себя, обретает истинную силу; благородный муж ищет Путь и следует законам Неба. Малые суждения направляют поступки, но то, чем руководствуется правитель, согласуется с волей Неба ради возвращения добродетели, и в этом божественном преображении достигается предел совершенства!»

Да ведь это написано словно про него самого, про Ян Ци!

Не желающего пачкаться и сливаться с безликой толпой чиновничьей среды!

Ян Ци даже загорелся мыслью отдать Тан Шэню первое место и сделать его Цзеюанем. Он поделился этой идеей с тремя помощниками.

Те изумились:

— Хотя пять сочинений Тан Шэня по «Чжоу и» и хороши, в первом туре он все же уступил Лю Цзэ. К тому же вы сами, господин Ян, ранее изволили заметить, что Лю Цзэ — бесспорный Цзеюань.

Один из них полушепотом предположил:

— Господин Ян... неужели вы так сильно благоволите к трактату «Чжоу и»?

— ... — промолчал Ян Ци.

Окажись Тан Шэнь сейчас здесь, он наверняка лишился бы дара речи. Где же это обещанное Ван Чжэнем «всем известно, что Ученый Ян обожает „Чжоу и“»? Откуда вообще взялось это «всем известно»?!

Ян Ци еще раз перечитал пять сочинений Тан Шэня по «Чжоу и», а затем перевел взгляд на работу Лю Цзэ. Тот выбрал «Чунью» и написал по ней пять прекрасных текстов.

— Видно, такова воля Небес! — со вздохом произнес Ян Ци.

Первого сентября обнародовали результаты провинциального экзамена.

Яо Сань поначалу собирался отправиться к зданию экзаменационной палаты, чтобы своими глазами увидеть, как чиновники вывешат списки, но Тан Шэнь остановил его:

— Ты хоть представляешь, сколько людей соберется сегодня там?

— Понятия не имею, — откуда Яо Саню было знать.

— Больше десяти тысяч кандидатов, и как минимум семь-восемь тысяч из них придут узнать свои результаты, — пояснил Тан Шэнь. — А ведь с ними еще родственники и друзья. В общей сложности у Лаврового списка соберется не меньше десяти-двадцати тысяч человек. Мы не занимаем очередь с полуночи, так что ничего разглядеть все равно не удастся. Не ходи. Пусть Фэнби постоит на краю толпы и послушает. Если выкрикнут мое имя, он вернется и сообщит. Уже звание цзюйжэня я точно получу.

К этому времени Управляющий Лу и Счетовод Линь как раз прибыли с юга в Шэнцзин.

Скажи такое кто-то другой, Счетовод Линь не поверил бы и счел бахвальством. Но раз говорил Тан Шэнь, он, поглаживая бороду, согласился:

— Раз так, Яо Саню ходить не стоит, пусть идет Фэнби. Как только разузнает новости, пусть сразу возвращается и докладывает.

Фэнби послушно отправился к экзаменационной палате, а Тан Шэнь и остальные остались ждать дома.

Время шло, а Фэнби все не возвращался, и даже Тан Шэню стало не по себе. Пытаясь успокоить мысли, он достал с полки подаренный Ван Чжэнем оттиск «Стелы монастыря Фамыньсы» и принялся раз за разом выводить иероглифы. Когда солнце поднялось уже высоко, Фэнби наконец вбежал во двор. Лицо его покраснелось от быстрого бега, а сам он сиял от восторга.

Одного взгляда на него хватило, чтобы понять: Тан Шэнь успешно сдал экзамен.

— Ну же, говори скорее! — воскликнул Яо Сань. — Молодой хозяин прошел? Какое место он занял?

— Про... прошел! — задыхаясь, выдохнул Фэнби.

Тан Шэнь, как раз выходивший из кабинета, услышал эти слова и облегченно перевел дух.

— Какое место? — спросил Счетовод Линь.

Сделав глоток чая и немного переведя дыхание, Фэнби радостно объявил:

— Яюань! Молодой господин занял второе место, он Яюань!

Все так и застыли от изумления.

В следующее мгновение с улицы донеслись звуки гонгов и барабанов. В ворота вошли одетые в парадную форму глашатаи, подпоясанные красными лентами. Улыбаясь, они зычно провозгласили:

— Поздравляем Тан Шэня, второго имени Цзинцзэ, из управы Гусу, что в Цзяннани, с блестящей сдачей провинциального экзамена в Шэнцзине и получением почетного звания Яюаня!

Яюань — второе место на провинциальном экзамене.

Тан Шэнь весело рассмеялся и повернулся к Яо Саню:

— Одарить.

Яо Сань тут же достал заранее приготовленные серебряные слитки и раздал их принесшим радостную весть вестникам.

Узнав результаты, Тан Шэнь сразу же поспешил в поместье Фу, чтобы поделиться радостью с Фу Вэем.

Фу Вэй ничуть не удивился. Он лишь тепло улыбнулся Тан Шэню:

— Хорошо.

Поразмыслив, Тан Шэнь спросил:

— Учитель, неужели вы тоже посылали кого-то ждать у экзаменационной палаты?

Мальчик-чтец тут же вставил слово:

— Еще бы! Я с самого раннего утра караулил у экзаменационной палаты, даже на земле всю

ночь проспал!

На душе у Тан Шэня потеплело.

Оба ученика Фу Вэя оказались невероятно одаренными. Ван Чжэнь в свое время совершил настоящий триумф, заняв первые места на начальном, провинциальном и столичном экзаменах. И хотя Тан Шэнь на этот раз стал вторым, Фу Вэй ничуть не расстроился, понимая, каких колоссальных трудов это стоило его младшему ученику.

Ван Цзыфэн происходил из клана Ван из Ланъя и с пяти лет учился у Фу Сижу. Тан Шэнь же был выходцем из простой, небогатой семьи, и то, что в свои пятнадцать лет он достиг таких высот в науках, было поистине редким достижением.

Фу Вэй спросил:

— Ты уже сообщил о своей победе старшему соученику?

— Пока нет, — ответил Тан Шэнь.

— Тогда ступай к нему. Цзыфэна тоже можно считать наполовину твоим наставником.

Тан Шэнь почтительно кивнул и направился в резиденцию министра.

Когда Ван Чжэнь вернулся домой, Тан Шэнь послушно дожидался его в гостиной. Завидев входящего хозяина дома, юноша тут же поднялся с места и произнес:

— Благодарю вас, старший брат Цзыфэн, за то, что перед каждым туром присылали мне корзину с провизией. Цзинцзэ не удалось стать Цзеюанем на этом экзамене, я подвел ваши ожидания.

Ван Чжэнь остановился на пороге. Глядя на исполненного почтения Тан Шэня, он невольно улыбнулся: надо же, этот младший соученик решил нанести упреждающий удар.

— Второе место среди десяти тысяч претендентов — разве это плохой результат?

Тан Шэнь склонился в поклоне:

— Но вы, старший брат, в свое время были Цзеюанем.

Ван Чжэнь велел слуге принести еще чаю. Он не стал проходить во главу стола, а непринужденно сел на соседний с Тан Шэнем стул. Вдруг он произнес:

— Древние говорили: «Дракон и феникс сулят процветание».

— ? — Тан Шэнь недоуменно моргнул. Что за чепуха?

<http://bllate.org/book/18292/1754511>